

ПЕРВЫЕ ИТОГИ XXI ВЕКА: РАЗГОВОР О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Арсений
Замостьянов

1

Именно так называл прусский король Фридрих Великий событие, завершившее Семилетнюю войну, — смерть русской императрицы Елизаветы и восшествие на престол поклонника Пруссии, императора Петра III. Россия тогда не воспользовалась военными победами.

Сегодня, весной 2006 года, по традиции «мерить пятилеткой» наши планы и дела мы можем и должны задуматься о подведении первых итогов российского XXI века. В современной школе нет политинформаций (хотя в некоторых регионах по разнарядке проводятся формальные мероприятия политинформационного свойства). И в пестроте ежедневных новостей нелегко определить исторический контекст идеологии национальных проектов, которая проявилась в официальных документах последнего полугодия, с августа 2005 года.

В XXI веке главой государства был и остаётся В.В. Путин. И все эти годы президент сохраняет феноменальную популярность в народе. В 2000 году его высокий рейтинг многие объясняли силой надежд и удачным контрастом с предшественником. Но надежды, как известно, хороший завтрак, но скверный ужин, на них не продержишься и двух лет... Уже осенью 1999 года рейтинг председателя правительства В.В. Путина был высок — 46 процентов. Тогда бюджет России составлял около 30 миллиардов долларов, при этом выплатить кредиторам нужно было 17,5 миллиарда. О долговой яме говорили как о банальной повестке дня. Казалось, что Российское государство бессильно перед частными империями своих самых удачливых сынов-олигархов. И будущее нашей школы виделось исключительно в мрачных тонах: бедность, коррупция, прозябание в хвосте мирового прогресса... Объективных, материальных предпосылок для изменений к лучшему не было. Когда-нибудь резкое повышение цен на нефть, случившееся в начале XXI века, назовут новым «чудом Бранденбургского дома»¹, спасшим Россию от банкротства и политической смуты. И как ясно подтвердилось классическое учение о базисе и надстройке! Стоило пойти вверх нефтяным ценам — и начались метаморфозы: изменились государственная идеология, отношение к крупным собственникам и чиновникам, к партиям, к свободе слова, к нашим зарубежным партнёрам... Сегодня идея отказа от политической самостоятельности России может вызвать только недоумение — а ведь ещё лет десять назад визиты в Москву президента Клинтона воспринимались как приезд императора из далёкой метрополии, что на берегах Потомака.

Существует миф о пагубности «ресурсной экономики». Конкурентам выгодно создавать впечатление о нефтегазовом экспорте как о своеобразном иждивенчестве нашего общества, почивающем на природных богатствах. Такие представления, вежливо говоря, спорны. Природные богатства страны — следствие многовековых трудов многих

поколений наших соотечественников, которые осваивали новые земли, одолевали захватчиков, умели жертвовать личным благополучием во имя мощного государства. Чтобы сегодня Россия могла бороться за приоритет в мировой энергетике, вчерашняя Россия крепила армию, создавала военную промышленность, становилась империей. Всё это — результат не иждивенчества, а напряжённого и плодотворного труда, победа русского менталитета, который нередко презрительно называют «рабским».

Когда ресурсы работают на временщиков — и впрямь начинается комплексная деградация страны. А под управлением государства энергетика может и должна стать локомотивом всей промышленности, что преобразит жизнь тысяч и тысяч семей. Напомним, что самые успешные гиганты советского машиностроения — КамАЗ и БелАЗ — были созданы во многом для нефтегазовых проектов и на нефтяные капиталы... Если Россия, наконец, приступит к освоению новых северных месторождений — нам не обойтись без новых железных дорог, автотрасс, аэропортов, без новых заказов для сотен предприятий. Наконец, это позволит нам укрепиться на территориях, которые, если махнуть на них рукой, могут оказаться спорными.

Хлеб вольнодумства, когда оно не подвергается серьёзной угрозе, сладок. Он пахнет зарубежными траншами, завиральными фуршетными и щедротами отечественных лоббистов. Естественно, что оппозиционеры не жалуют власть. Но вот что настораживает: стоит власти предпринять тот или иной шаг, согласующийся с идеологией оппозиции, — последняя тут же начинает критиковать то, на чём месяц назад настаивала... Таким образом, обществу пытаются скормить идеологический фарш из несовместимых ингредиентов, соединённых одним духом противоречия. Так, левые выступили против дела «Юкоса» и скептически отнеслись к возвращению государства на командные высоты экономики, хотя всё это, включая репрессии против олигархов, входило в их программу. Правые же выступили против монетизации льгот и роста коммунальных тарифов, хотя аналогичные реформы, разработанные 5–7 лет назад их лидерами, были куда радикальнее. Значит, конъюнктура политической борьбы для партий важнее стратегических принципов и идеологии. Между прочим, эта закономерность — вечная язва демократической системы. Можно быть приверженцем демократического устройства, но со времён Пелопонесской войны считать демократию «венцом творения» могут только очень наивные люди. Стремление к патернализму свойственно природе человека так же, как и стремление к свободе.

В современной российской идеологии ощущается дефицит грамотных апелляций к социальной природе человека. Всё чаще звучит национальный вопрос, даже религиозный, а основа земного бытия — социальная среда, включающая в себя и школу, — не вызывает эмоций у современных ораторов. Кто сегодня защищает интересы отечественных учителей, врачей, рабочих и инженеров? Влиятельных и честных профсоюзов в России нет (хотя хватает бюрократов и демагогов, которые наживаются на мни-

мых профсоюзных организациях). Поражает пустота в оценке той или иной среды, влияющей на личность, как будто потеряны просветительский инструментарий. Зато много разговоров о генетическом, о преопределённом.

Боги и герои американского мифа

Россия подустала от вездесущей американской массовой культуры, нашествию которой безуспешно пытается сопротивляться старая Европа. У нас нередко приводят в пример Францию, где действуют протекционистские законы кинопроката, теле- и радиоэфира. Но следует признать, что французский протекционизм то и дело проигрывает заокеанской рекламе: Франция с энтузиазмом потребляет голливудскую продукцию и учит английский язык (хотя французские школьники по знанию английского занимают одно из последних мест в Западной Европе). Юными умами Франции владеет MTV с его англо-американской эстетикой и языковой основой. Ещё не так давно французы ощущали себя законодателями мод — и вдруг оказались на обочине мировой массовой культуры... Для многих такая метаморфоза стала болезненной. В отношении к американскому кино Франция расколота, опросы показывают, что около половины французов недолюбливают Голливуд. Есть во Франции и радикальные антиамериканисты — погромщики закусочных Макдоналдс. Куда ж без таких месье на родине шовинизма? Но американские мифы, как партизанские отряды в старой песне, «занимают города». И обыватель уже не видит котурнов, на которых стоят мнимые титаны XX века.

Одно из распространённых и принципиально необходимых американскому мифу клише — «Джон Кеннеди — энергичный, умный, обаятельный политик. Победитель, предательски убитый из-за угла». Этот миф исторически неверен, но полезен американской нации, а уж они-то всегда следуют пословице «правда хорошо, а счастье лучше». Обидно, что

Кеннеди стал героем и в российском контексте: трагическая гибель, как известно, добавляет судьбам романтического очарования. Он был президентом США один неполный четырёхлетний срок — 1036 дней. Ставленник богатейшего клана, Кеннеди с юных лет имел преимущество над политическими конкурентами: бюджет его избирательных кампаний всегда на порядок превосходил бюджеты соперников. Мистер Кеннеди стал первым «телевизионным президентом»: он хорошо умел хлопотать лицом перед телеэкранами, а затем приобрёл популярность во всём мире как персонаж глянцевого журналистики и источник глянцевого страстей. Зеваки с жаром обсуждали наряды первой леди — красавицы Жаклин, которую многочисленные толпы и в Нью-Йорке, и в Лондоне приветствовали как кинозвезду стадным возгласом: «Джеки! Джеки!» Об американских нравах того времени можно судить и по растиражированному эпизоду: актриса Мэрилин Монро под шафэ, манерно поздравляет своего женатого любовника «Happy birthday, mister president!» Публике главного зала Америки — Медисон сквер гарден — следовало восторженно обсуждать параметры декольте платья от Жана Луи и аплодировать... Кажется, никто, ни один андерсеновский мальчик не крикнул, что король-то голый, что это — самая настоящая пошлость... Ну, вообразите себе, например, подобный прилюдный флирт между Л.И. Брежневым и какой-нибудь актрисой из популярного в те годы «Кабачка 13 стульев». Наше общество брезгливо отторгло бы этот акт, как отторгло пьяные танцы Ельцина в Берлине 1994-го. А Кеннеди и Монро стали *американскими иконами* (иконами, не иначе!). В 1999-м на аукционе фетишисты заплатили за то самое платье около полутора миллионов долларов. Публику, даже бывших пуритан, приучили с восторгом наблюдать за историей президентских адюльтеров, в которой старший брат передаёт любовницу младшему брату, а потом она погибает при загадочных обстоятельствах. Легко предста-

вить себе, с какой язвительностью рассуждал бы о мифе Кеннеди Лев Николаевич Толстой... Уж его бы не загипнотизировали глянецовые фото этого холёного господина с тяжёлым подбородком и мутным взглядом; даже остросюжетная, как в кинобоевиках, гибель не остановила бы писательскую руку. «Ходившее по свету, евшее и пившее мёртвое тело Серпуховского убрали в землю гораздо после. Ни кожа, ни мясо, ни кости его никуда не пригодились» («Холстомер»).

Не следует отрицать, что президент Кеннеди произнёс немало правильных слов и принял ряд резонных решений. Он был одним из инициаторов смягчения расовой дискриминации, поддерживал точную науку, подготавливая научно-техническую революцию... Но на роль Наполеона XX века этот политик, зависимый от покровителей и обстоятельств, никак не подходит (в обожевлении Наполеона тоже нет ничего хорошего, но величие этого новатора, полководца и политика бесспорно). Память об убитом президенте важна для граждан США, но феномен великого политика, формирующего стиль эпохи, — слишком ответственное явление, чтобы разменивать его на братьев Кеннеди. Заметим, что целое десятилетие — с 1988-го по 1998-й — отечественные либеральные идеологи потратили на борьбу с советскими героями, от Ленина и Сталина до Терентия Мальцева и Юрия Гагарина. Народ приучали к тому, что ничего устоявшегося и объективно героического в нашей культуре нет. И первые полёты в космос — липа, и победа в Великой Отечественной сомнительна, и трудовые подвиги Стаханова, Гагановой, Заглады и прочих — чепуха, писательские выдумки. Вирус недоверия к народным ценностям разлагает общество. Мы наблюдали этот разрушительный процесс в СССР и России — кто знает, может быть, нечто аналогичное начнётся вскоре и в Соединённых Штатах? А с нас хватит и саморазоблачений, и низкопоклонства. Надеюсь, набитые шишки привили современным российским политикам осторожность в отношении с идеалами прошлого и настоящего.

Чьё время?

Нередко представления Александра Исаевича Солженицына о прошлом и настоящем России вызывают во мне протест. Крупные мыслители (чем крупнее, тем противоречивее) всегда входят в наши умы рваными краями, не приспособившись к чужим мнениям и общепринятой логике. Невозможно полностью принимать Толстого, Достоевского, Горького или, скажем, Гегеля — читатель неминуемо то подпадает под их влияние, то восхищается, то конфликтует с ними... Солженицын, подобно Герцену, Толстому и Горькому, избрал для себя тяжёлый крест «сверхчеловека», человека-миссии, а значит, по Байрону, «брошен был в борьбу со дня рождения». Солженицын — самый неумолимый и пристрастный прокурор советской власти и советской культуры; он стоял у истоков многих антисоветских клише, взятых на вооружение

Западом. Тем интереснее редкие похвалы, которыми Солженицын удостоил «красных». В сентябре 1973 года он пишет «Письмо вождям Советского Союза», в котором в популярной форме изложил свои историософские и политические воззрения. Стоит вспомнить, как охарактеризовал Солженицын советскую дипломатию: «Она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм. По своим реальным достижениям она могла бы считаться даже блистательной: за 50 лет, при всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других, — возвыситься от разорённой гражданской смуту страны до сверхдержавы, перед которой трепещет мир». Солженицынская оценка школы стала с тех пор ещё актуальнее: «Школа наша плохо учит и дурно воспитывает, а лишь калечит юные годы и души. Всё поставлено так, что ученикам не за что уважать свой педсовет. Школа будет истинной тогда, когда в учителя пойдут люди отборные и к тому призванные. Но для этого — сколько средств и усилий надо потратить! — не так оплачивать их труд и не так унижительно держать их. А сейчас пединститут — в ряду институтов последний по своему авторитету, и взрослый мужчина стыдится быть школьным учителем».

В том же сочинении писатель сетует на популярность «военной электроники» («неужели для таких бесплодностей мы развивались тысячу лет?») и предлагает сократить вложения в армию и военную промышленность, переориентировать на чисто мирные отрасли и науку... Что ж, такие идеи, несомненно, принимались на ура в западных аудиториях. Время подтвердило обоснованность давних солженицынских тревог за школу и учительство. Но и с наглядностью доказало: наступление на армию и военную промышленность ведёт к общей деградации общества, к ослаблению системы образования. У государства пропадает стимул к созидательной работе. Не секрет, что оборонная необходимость была и остаётся главным залогом технического прогресса. Правоту этой закономерности доказывает и история великой компьютерной революции, укрепившей гегемонию мировой военной (прежде всего — военной!) сверхдержавы — США.

Солженицын предлагает, оставив на второй план идеологию и политработников, опереться на инженеров и учителей (позже он призывал заменить слово «инженер» русским торжественным «зиждитель»). Что же получилось после крушения СССР? Царство политработников новейшего образца! Политработников, освобождённых от коммунистической и какой-либо иной этики — дилетантов, берущихся руководить любой отраслью, умеющих молниеносно обогащаться. Политработников с повадками временщиков (30 лет назад элита всё же была уверена, что её власть «всерьёз и надолго», а нынешние стремятся к быстрой прибыли и запасным аэродромам).

Девяностые годы были для России временем предприимчивых людей, умеющих рисковать, склонных к авантюрам. Время дутых авторитетов, ловких самозванцев и прожектёров. С другой стороны — время специалистов, ориентированных на Запад,

ощутивших бесперспективность российской жизни в условиях низких цен на нефть и политического кризиса. Время молодых хладнокровных управленцев-менеджеров, не связанных ни с прежней идеологией, ни с каким-либо ремеслом. В обществе, которое год за годом демонстрировало свою науку и промышленность, в цене были верхогляды, у которых в «этой стране», по А.Н. Островскому, нет ничего заветного. Сегодня им не по нраву эклектика нынешнего политического режима. Они презрительно называют его «чекистским» и не желают признавать, что в условиях неуправляемого народовластия судьба «Юкосов» и БАБов в России была бы куда трагичнее, чем в системе посуровевшей путинской вертикали. И потому столь неубедительны еженедельные «антипутинские накачки» «Новой газеты». Принцип пушкинских царедворцев — «давай народ искусно волновать» — не работает, когда общество ощущает постепенный отход от той модели, которую в народе прозвали с солдатской прямотой: «бардак». Отрицательное отношение к расхлябанной вольнице в государственных делах — это народный ответ на политику либерализма девяностых. Ведь русскому человеку свойственно стремление к личной экзистенциальной свободе, вплоть до самых радикальных сценариев выпадения из общества, но не менее сильно и стремление отождествлять себя с могущественным государством.

Тенденция на преодоление «бардака» и сегодня не кажется необратимой. Приведу выразительный пример новейшего опасного прожектёрства. В планах Министерства экономики — отмена лицензий на проектировочные и строительные работы. Не берусь объяснить эту инициативу ни активностью лоббистов, ни инерцией безоглядной либерализации. Строительный рынок в России развивается и будет расти. Многих «предпринимателей широкого профиля» привлекает возможность кредитов под строительство — и после отмены лицензий через год-другой в этой отрасли первыми скрипками станут

дилетанты с огоньком в глазах и связями в криминальной и бюрократической среде. Хозяином в строительстве станет не инженер, а флибустьер без диплома, без роду, без племени. Пираты умеют выживать в штормовую погоду. Не думаю, что с таким противоестественным отбором в кадровой политике строительных фирм президентская программа жилищного строительства будет реализована без скандальных срывов. Руководители без дипломов и лицензий могут участвовать в ликвидации, демонтаже промышленности или школы, но для созидательного переустройства нужен консервативный отбор. А национальные проекты требуют созидательного подхода.

Программы президента

После обвалов 1990—1991, 1992 и 1998 годов народное доверие к экономической политике государства восстанавливается со скрипом. Но вот государство укрепило свои позиции в электронных СМИ — и, кажется, начинает пропагандировать на телеэкранах новый «великий перелом», возвращение к лозунгу «всё для блага человека».

Перед администрацией, пришедшей к власти в 2000 году и неторопливо осваивавшейся на капитанском мостике в течение нескольких лет, стояла классическая задача «упорядочивания анархии». Для этого требовалось осознание того, что Россия стояла и стоит на трёх китах. Во-первых, это природные ресурсы и промышленность, связанная с добычей, переработкой и транспортировкой сырья. Во-вторых — армия и военно-промышленный комплекс. В-третьих — культура, наука и школа, интеллектуальный потенциал страны. Стыдиться такого положения вещей не нужно: в этой связке — ключ к благополучию будущих поколений, и при условии сбалансированного развития этих трёх направлений угроза цивилизационной отсталости России отпадёт сама собой. Интересы «трёх китов» совпадают с интересами огромного большинства наших со-

отечественников, но не с амбициями крупного торгового и посреднического капитала, который, договорившись с временщиками от политики, временно присвоил себе львиную долю природных богатств страны.

В сентябре 2005 года президент В.В. Путин сделал ответственный ход, продекларировав начало работы четырёх национальных проектов: в здравоохранении, образовании, жилищном строительстве и сельском хозяйстве. Эта амбициозная программа может провалиться (ведь речь идёт о капиталовложениях, а когда играют деньги, музыка замолкает), но может принести правительству и обществу полную или частичную победу. Пять лет экономического роста государство занималось накопительством, боясь обжечься на молоке новых коммерческих рисков. В памяти у нынешнего поколения управленцев — и бесславные годы миллионных инвестиций в промышленность на заре горбачёвского ускорения, и финансовые обвалы девяностых годов. Бесспорно, направление этих шагов продиктовано насущной необходимостью.

25 октября 2005 года в Георгиевском зале заседал Совет по науке, технологиям и образованию. Всё началось со вступительного слова Путина: «В нашем обществе исторически утвердилось понимание безусловной ценности образования, всего, что связано с этой сферой. В последнее время именно с ним, с образованием, всё теснее увязываются устремления людей к жизненному успеху. Около 80 процентов граждан в возрасте до 35 лет считают получение высшего образования важнейшей своей целью. Должен сказать, что ещё несколько лет назад тенденции были немножко другими. То, что они поменялись в направлении, о котором я сейчас сказал, это, конечно, очень хорошая, по-моему, подвижка, это крайне значимый показатель. Он говорит о высокой готовности молодых людей к профессиональному росту. Без сомнения, доступность и качество образования прямо влияют на наши национальные перспективы». Властная вертикаль сработала: стоило президенту в конце 2005 года выступить с инициативой национальных проектов (в том числе — в области образования), в разных губерниях незамедлительно прошли «круглые столы» по реализации проекта. Как поддержать школы и вузы? Как грамотнее дотировать инновационные программы? Как удерживать в школе молодого учителя? Несколько раз президент подчеркнул: мы будем контролировать расходование средств. Это разумно: доверие развращает бюрократию. Наконец-то была определена одна из целей образования: обеспечить приток квалифицированных кадров в высокотехнологичные сферы производства. Давненько наши управленцы не вспоминали об этом! Правительство предлагает поддерживать педагогов и учёных грантами. Получать гранты всегда приятно, но, если мы ограничимся такой практикой, это будет уходом от проблемы. Сотысячные ежегодные премии 10 000 лучших учителей — это громкая и полезная акция, но и она не будет лишена субъективизма и суеты. Гранты не преобразят обыденную жизнь каждой школы, не окажут существенного влияния на массовое образование,

да и коррупция цветёт вокруг грантов, как лилии на болотах. Повторю: в стране нет сколько-нибудь влиятельных и независимых профсоюзов, в том числе и педагогических. В ежедневном конфликте труда и капитала никто организованно не защищает права трудящихся. Примерно в те же дни президент обращался к профсоюзам с предложением контролировать ход национальных проектов: «Меня беспокоит, как будут израсходованы деньги на приобретение различного имущества, в том числе в здравоохранении. Это огромные ресурсы на приобретение современного оборудования, автомобилей и так далее. Нужно очень внимательно смотреть за этим процессом». Но пока профсоюзы не доказали свою состоятельность, и в народе к профсоюзным лидерам отношение такое же, как к обыкновенным чиновникам: «они — сами по себе, а трудящиеся — сами по себе».

Намерение государства помогать школе, работать над эффективностью образования — внушает оптимизм, но отлаженных механизмов реализации пока не видно. Но есть материальная база и есть идеология национальных проектов, а это для начала немало. Благодаря идее национального проекта, расходы на образование в 2006 году вырастают на треть по сравнению с бюджетным планом. В течение двух лет двадцать тысяч школ (среди них немало сельских) подключат к сети Интернет. В школах организуют компьютерные классы, оснащённые по последнему слову быстро развивающейся техники. На эту программу будет выделено 2 700 000 000 рублей. И это уже осязаемый и вполне осуществимый план. О компьютеризации школ мы говорим уже четверть века, со времён «электронно-вычислительных машин». Судя по размаху планов, на этот раз техническое перевооружение будет по-настоящему массовым. И о строительстве новых школьных зданий теперь говорят без робости, а на основании конкретных строк в бюджете. И мы имеем право требовать от правительства большего: казна позволяет.

Будни великих строек

Судя по направлению национальных проектов, нас ожидают новые годы великих строек — в том числе северных, сибирских. Невозможно веками жить за счёт косыгинского наследия. Требуется колоссальная работа по усовершенствованию нефтегазового комплекса, прокладка новых голубых и чёрных потоков в Европу и Азию, создание промышленных центров на великих путях. Эти начинания важны для каждого гражданина России. Они непременно отразятся и на жизни школы. Взаимосвязь очевидна: если перевооружение энергетики пройдёт успешно, то доходы России возрастут. Мыслить по-государственному — это значит учитывать положительные и отрицательные последствия событий во взаимосвязи «государство — общество, государство — человек».

В семидесятые годы, помимо торжественных рапортов «с чувством глубокого удовлетворения», в которых воспевались производственные успехи наших рабочих и инженеров, существо-

вала крепкая традиция актуальной производственной драмы. Острые проблемы, мгновенно узнаваемые зрителем (читателем), разнообразные характеры наших современников. Пьеса Александра Гельмана «Заседание парткома» стала событием десятилетия. Она шла в главном театре страны (тогда он назывался МХАТ имени Горького) с главным режиссёром в центральной роли. Экранизация пьесы — фильм «Премия» (1975) — заслужила похвалу главы государства. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев привёл в пример делегатам партсъезда упрямое бескорыстие героев фильма. Заметим, что то была главная речь пятилетия, которую транслировали на весь Союз, многократно публиковали и конспектировали. А ведь гельмановский театр, далёкий от парадности, освещал весьма болезненные стороны развитого социализма... Управляющий строительным трестом, энергичный и по-своему человечный Павел Емельянович Батарцев в духе времени заботится о материальном благополучии рабочих. Он и план-то занижает ради рабочих и их семей, чтобы легче было получить премии, чтобы достаток был в семьях... И всё-таки бригадир Потапов, проявляя гражданскую сознательность, утверждает, что эта стройка — неправильная (кинозрители, несомненно, запомнили этот образ в исполнении Евгения Леонова). После «Заседания парткома» были «Мы, нижеподписавшиеся», прошедшие и на сценах, и на телевидении. Не менее злободневный конфликт, вскрывающий «тормозную систему» бюрократии, которая возвышает ловкачей и мешает неуживчивым пытливым созидателям, работающим не на собственный карман, не для галочки в отчёте, а для будущего. Был у этих производственных драм и неожиданный подтекст: своя правда прочитывалась и в логике поведения формально отрицательных героев. Да, они не были романтиками-максималистами. Да, знали мещанские истины: «хочешь жить — умей вертеться», «рука руку моет»... Но и они — опытные организаторы, настоящие инженеры-строители, живущие

не одной показухой. Труды писателей, публицистов и режиссёров пороки социалистической экономики были определены и стали сведением миллионной аудитории. И власть, непримиримая к инакомыслию в области идеологии, принимала критику со скрипом, с сопротивлением, но и не без уважения.

Современное искусство можно упрекнуть в чём угодно, только не в «лакировке действительности». Перед прилежным телезрителем прошла целая галерея сумбурно, неряшливо сыгранных бандитов, извращенцев, продажных политиков и журналистов, милиционеров, которые пострашнее разбойников с большой дороги... Трудно переоценить разрушительное влияние такого кино на подростковую психику — право же, кровавый вандализм, который учинили челябинские курсанты, возможен только в эпоху телечернухи, создающей этику ножа и кастета. На экранах хватает и матерщины, и «расчленёнки», и подробностей интимной жизни. Но более или менее удачных попыток показать труд современного человека, его поединок с системой нет уже два десятилетия. А разве мало у нас примеров типично «капиталистического» головотяпства? Разве мало материала для сатирической производственной драмы — такой, чтобы начальство краснело в зрительном зале, а узнаваемые герои остались в народной памяти крылатыми цитатами? Рядом с нами пропадают гельмановские сюжеты «шарашкиных контор», в которых уважаемые торговцы воздухом зарабатывают на порядок больше честных производителей. Десятки юмористов «оттоптались» на несчастных советских НИИ, в которых (в сатирической версии) «мы делали вид, что работали, а государство делало вид, что платит деньги». В скольких современных фирмах работники делают многозначительный вид, по-американски называют свои должности, а получается пшик, но, в отличие от недавнего прошлого, хорошо оплачиваемый. Какие профессии привлекают современных выпускников? Ну, пёстрый паноптикум шоу-бизнеса — это всегда популярно.

Экономист, юрист, специалист по связям с общественностью... К производству эти почтенные профессии имеют косвенное отношение. Если же Россия всерьёз возьмётся за модернизацию хотя бы гарантированно рентабельного топливно-энергетического комплекса — востребованы будут инженеры, геологи, рабочие... И социологи предсказывают, что очень скоро словосочетание «горный инженер» будет для школьника звучать не менее сладкой музыкой, чем «эксклюзивный дистрибьютор». Если так — то мы сделаем ещё один шаг в сторону от деградации. Опасно недооценивать феномен «социального заказа»: он вызревает даже помимо воли сильных мира сего. И политическая власть, и популярная культура всегда зависят от массового вкуса. Им нередко искусно манипулируют, но по большому счёту без санкции общества происходят только маргинальные события. И активизация индустриальной жизни повлечёт за собой возрождение производственной темы в литературе и кино. В особенности — если человек труда станет характерным героем нового времени, как мешочник, бомж и охранник с автоматом воплотили в своих монументальных фигурах недавнее прошлое.

Очень важные слова произнёс президент на заседании Совета безопасности 22 декабря 2005 года: «Заявка на лидерство в мировой энергетике — это амбициозная задача. И для её решения недостаточно лишь наращивать объёмы производства и экспорта энергоресурсов. Россия должна стать инициатором и «законодателем мод» в энергетических инновациях, в новых технологиях, а также в поиске современных форм ресурсо- и недросбережения. Убеждён: наша страна, её топливно-энергетический комплекс и отечественная наука готовы принять такой вызов. Больше того, столь масштабная задача станет серьёзным катализатором модернизации и качественного подъёма всей экономики Российской Федерации... Нам предстоит масштабная работа по развитию транспортной инфраструктуры для диверсификации маршрутов поставок энергетических ресурсов из России. За счёт этого мы снижаем зависимость от потенциальных рисков и, конечно, открываем для себя новые перспективные рынки, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Пожалуй, с семидесятых годов мы не слышали от первых лиц государства столь реалистичных и в то же время амбициозных планов. Это не «благие намерения» в упаковке самовлюблённого красноречия, не традиционные и бессмысленные «красивые слова». Очень важно, что на первый план вышли целесообразные идеи, стоящие на твёрдой почве возможностей и обязательств. Когда политик в эмпирическом полёте вещает о свободе, равенстве и братстве, о нравственности, о новом мышлении и правах человека, то есть — о субъективных категориях, мы почти наверняка не ошибёмся, оценив это как демагогию. Великие дела государства завариваются, когда речь правителя напоминает доклад сметливого завхоза. По большому счёту развитие топливно-энергетического комплекса и смежной с ним промышленности — это для России единственная возможность избежать территориальных потерь. И для современных школьников такая программа создаёт новую

перспективу. В недавнее время сотни тысяч квалифицированных инженеров и рабочих были вынуждены оставить любимое ремесло и, вооружившись баулами из клетчатой клеёнки, освоить челночный бизнес. Вчера ты был шофёром на северной стройке — сегодня возишь на рынок упаковки турецкого ширпотреба. Вчера стоял у станка — сегодня стал телохранителем и ординарцем оборотистой торговки. Такие процессы провоцируют и деградацию школы, и деградацию культуры. Вся современная массовая культура скроена по заказу развесёлых челноков — хозяев низового слоя российской жизни. Президентская программа предлагает нашим школьникам производственное будущее. И во мне уже просыпается оптимизм: а ну как у грядущей эпохи будет *масштаб*, достойный России, а у общества — *иерархия*, связанная с этикой созидания, а не «хапка». Ощущение иерархии не бывает врождённым, его следует воспитывать; роль школы в этом процессе от века важна. Разобщённое общество может сплотить только большое и реальное дело (у желающих поизобретать велосипед по-прежнему горят глаза, но их не следует воспринимать всерьёз).

Отрадно, что президент заговорил о созидательных проектах не в год выборов, а на излёте первой половины своего второго срока. Это что-то новое в нашей постперестроечной практике. Оппозиционная пресса, которая негодует после того, как её вытеснили с телевизионных каналов, с азартом готова высмеять эти начинания, угадывая в них ненавистный «нашим европейцам» советский стиль. Один из первых публицистических откликов на планы президента пренебрежительно назывался «Глубокий эконом Путин». Критика будет неджентльменской, изощрённой. Власть же, по-видимому, постарается изолировать критиков, отсечь их от влиятельных СМИ. Но в случае серьёзного провала в экономике борьба с неблагонадёжными лишится победного ореола. Что ж, у действующей власти нет и не может быть права на глобальную ошибку. Хочется верить, что деловитость, присущая производственникам, станет приметой нового времени вместо политиканских хваток, освоенных элитой девяностых.

Ко всем экономическим и социальным достижениям и планам хорошо бы прибавить развитие реального союзного государства России и Белоруссии. Тогда бы мы с большим основанием признали первые итоги века: страна возвращается на круги своя. Позиция пессимиста и скептика комфортна, её неизменно скрашивает приятное самолюбование. А вот оптимизм в обществе потребления стал дефицитом. И мне бы хотелось завершить наш разговор многообещающим аккордом. Вторая половина XX века в истории России прошла под космическим знаком. Воплощённая мечта калужского учителя — первые искусственные спутники Земли. Восторженные соотечественники Юрия Гагарина и Германа Титова, Алексея Леонова и Владимира Джанибекова верили, что космические путешествия — это отнюдь не «потешные войска» советской системы, они верили в великое научное, а в перспективе — и экономическое значение покорения космоса... Космическая тема вошла в школьную программу как важная часть

военно-патриотического воспитания.

Не потерять бы и нам остроты восприятия этой по-настоящему духоподъёмной темы, мы уже не раз забывали о славе отцов, предаваясь унылому национальному самобичеванию. Заряд позитива, который получает школьник при изучении космической истории, не менее важен, чем «чудные открытия», которые, мы верим, ещё ждут российских космонавтов и учёных. После революционного 1991-го на космос махнули рукой. В идеологии новой России не нашлось достойного места для человека, который сказал «Поехали!», а в бюджете — средств на космическую программу. Космонавтику стали считать чем-то второстепенным, бесперспективным. И вот — сообщение главы ракетно-космической корпорации «Энергия» Николая Севастьянова на Королёвских чтениях в январе 2006 года... Оказывается, у России есть прорывная космическая программа: «Постоянную станцию на Луне мы планируем создать уже к 2015 году, а с 2020 года может начаться промышленная добыча на спутнике Земли редкого изотопа — гелия-3». Миллиарды лет на Луне скапливался этот фантастический гелий-3, приносимый солнечным ветром. Столь мощного источника энергии нет на Земле. Ориентировочная стоимость одной тонны этого изотопа — 4 миллиарда долларов. До «многотонных» полётов, конечно, требуется несколько десятилетий работы. По мнению академика Э. Галимова, чтобы обеспечить на год всё человечество энергией, необходимо лишь два-три полёта космических кораблей грузоподъёмностью в десять тонн. При этом затраты на межпланетную доставку будут в десятки раз меньше, чем стоимость вырабатываемой сейчас электроэнергии на атомных электростанциях». Ясно, что наши космические достижения со временем станут весомым преимуществом — и ведь найдутся доброжелатели, которые и добычу лунных ресурсов назовут «иждивенчеством»... А между тем в истории России не было незаслуженных, дармовых побед, как не было и беспричинных поражений. **НО**